

ЖУЖА ХЕТЕНИ

Университет имени Этвеша Лоранда (ELTE)
(Будапешт, Венгрия)

ORCID: 0000-0003-2144-9002
e-mail: hetenyi.zsuzsa@btk.elte.hu

ДРУГИЕ БЕРЕГА

(о венгерской славистике и Владимире Набокове)

‘The Other Shores’

(on the Hungarian Slavic Studies and Vladimir Nabokov)

Abstract

The author argues that the boycott of official Russian culture at present is important and provides its reasons and forms. While all forms of anti-Russianism in Ukraine are understandable, the anti-war intelligentsia should not be left alone, because after the Putin regime, there must emerge and there will be another Russia. The task of the humanities at present is to provide textual analysis, done especially by those in third countries. Science and higher education have been hit hard by the war. Literature itself cannot be blamed, only its interpretation can be used and abused. The Russian language as such is also suffering from the war temporarily since it became a symbol of aggression but in due course, it must be given back its role as a working language, as one of the languages of the world.

Keywords: boycott, War in Ukraine, cultural bridge, Slavic Studies in Hungary, Vladimir Nabokov, soft power, cancel culture

„Поймите, мир не тот, что был“
(Владимир Набоков, *Разговор*)

Второй разговор, который мы предлагаем читателю этого номера журнала, касается славистики в стране, занимающей вообще особое место как в истории Европы, так и в истории славистики в Европе. Речь идёт о Венгрии и о том, что представляет собой славистика

в сегодняшней Венгрии в глазах одного из ведущих венгерский славистов, профессора Будапештского университета Жужа Хетени. Жужа Хетени – не только преподаватель и исследователь русской и русско-еврейской литературы, но и переводчица на венгерский язык русской прозы авторов, о которых пишет (прозе Бабеля, Замятина, Булгакова, Хармса, Гроссмана, Войновича, Сорокина, русскоязычных еврейских авторов), и в этом смысле её опыт общения с русской литературой вдвойне ценен. Жужа Хетени также исследователь творчества Владимира Набокова, поэтому вторая часть диалога касается творчества и идейного мира этого всемирно известного русского эмигранта, классика американской и русской литературы одновременно.

РМ: Я хочу начать с очень простого вопроса, который, очевидно, является одновременно и весьма сложным: трудно ли быть славистом в Венгрии сейчас?

ЖХ: В Венгрии славистами называются специалисты всех славянских языков и культур/литератур, в том числе и украинского, кстати. В данном случае я могу ответить на вопрос как специалист по русской литературе (назовём СРЛ).

Начну с того, что я говорю от своего имени исключительно, потому что моя стратегия пока что стоит особняком. От этого тяжело вдвойне, ибо каждый шаг, раньше естественный элемент работы, требует многостороннего обдумывания.

Важно отметить, что среди моих коллег наблюдается весьма широкая разнообразность реакций на эту подлую войну, которую развязала российская правящая элита, когда навела русские войска в агрессии на независимую страну, Украину.

РМ: Извините, в таком случае, можно сказать, что война России против Украины изменила ситуацию славистики в Венгрии? Изменила радикально или просто поменялись какие-то отдельные тенденции и ориентации?

ЖХ: Дело именно в том, что должна была бы изменить. Для меня точно изменила. И безусловно изменилось восприятие нашей профессии, и всего русского. Например, я планировала организовать круглый стол для конференции переводчиков о литературе в Украине, и коллеги вдруг сказали, что выглядело бы странно, если бы я как специалист русского стала модератором, и пригласили вместо

меня англиста. Далее, когда я сделала замечание в разговоре об украинском авангарде, что у него были живые связи с русским авангардом, мои слова были приняты чуть ли не враждебно, коллеги утверждали, что ничего русского не должно быть связано ни с чем украинским. Перевод текстов русскоязычного украинского автора выполняет давно уехавший венгр с Закарпатья со слабым и непрофессиональным русским языком, видимо, по простому принципу доверия человеку с украинским паспортом.

Насколько я вижу (потому что разговора об этом нет), университетские коллеги продолжают работать, как ни в чем ни бывало. В этом, вероятно, и влияние неоднозначных официальных позиций венгерского правительства и страх за рабочее место. Они по-прежнему сотрудничают с российскими институтами, и даже с будапештским Русским Культурным Центром (РКЦ, организации Министерства иностранных дел России, которая с весны удвоила персонал и силы, в то время, когда по всей Европе подобные центры закрылись)¹. Фотографии наших студентов, которые, например, в разгар войны, 12 апреля 2022 года были приглашены туда на День Космонавта, как в добрые советские времена, выставлены на сайт рядом с патриотическими заявлениями о войне. В Венгрии в трех университетах работает кабинет организации „Русский мир“, который, на мой взгляд, тоже следовало бы закрыть – там ведется прямая пропаганда русской идеи. Коллеги, видимо, исходят из того, что в этих центрах студентам предоставляются широкие и бесплатные возможности изучения и практики русского языка. Эти две организации (РКЦ и „Русский мир“) принимали официальную делегацию русских писателей в ноябре 2022 года, в числе их – Евгения Водолазкина, и гастролями объехали университеты.

Простой венгерский народ, кстати, тоже раздвоен, потому что позиции венгерского правительства отличаются от всех европейских стран, оно поддерживает официальные связи с путинским режимом, министр иностранных дел ездит в Москву. Интересный эпизод прои-

¹ 25 ноября 2021 года в посольстве в Будапеште работало 46 российских дипломатов. К весне 2022 года, через несколько недель после начала войны, число российских дипломатов, работающих в посольстве в Будапеште, возросло до 50 человек, ещё 6 прибыли летом и ещё один – в конце октября. Для сравнения, после серии высылки сейчас в Лондоне находятся 35 российских дипломатов, в Варшаве – 20, а в Братиславе – 15. <https://444.hu/2022/11/30/egy-orosz-kem-magyarorszagra-akart-csempeszni-erzekeny-adatok-at-allitolag-a-vegbeleben> (02.12.2022).

зошел в июне, когда мой университет делегировал меня в Вену, на со-вещание объединения пяти университетов CENTRAL. Во вводных сло-вах бывший австрийский дипломат довольно однозначно критиковал венгерскую политику, и я тоже выразила свое мнение открыто о том, что вместо правительства гражданские группы организовали помощь беженцам в первые месяцы. В последствии видео мероприятия не бы-ло опубликовано на сайте университета, как не было и интервью, на которое меня пригласили в последствии². Средний венгр, да и рядо-вые интеллигенты, проникнуты возродившейся чуть ли не инстин-ктивной русофобией по памяти более ранних оккупаций – 1849, 1945 и 1956. На стенах появляются надписи, которые висели в 1989 году: „русские домой“. И это влияет и на взгляд на нашу профессию.

РМ: Из того, что Вы говорите, можно сделать вывод, что у простых венгров и у интеллигенции совсем по-другому работают механизмы исторической и культурной памяти (в сравнении, например, с чехами или поляками, не говоря об украинцах)? Не все помнят русскую ин-тервенцию 1849 года и русские танки в Будапеште 1956 года?

ЖХ: Так называемый *civil society*, как и в Польше и по всей Европе, сразу после 24 февраля 2022 года моментально встал, чтобы помочь беженцам на вокзалах, и среди них были те русскоговорящие люди, и интеллигенты, которые учили язык ещё при социализме, со сме-шанными чувствами. Казалось бы, знание русского языка на корот-кий срок ценилось и публично, но это вроде прошло, остался стыд.

Такую кашу отношения ко всему русскому как таковому просто нельзя разобрать и охватить, но ощущается на коже, как будто мы вернулись в советские времена. С тем отличием, что реакции в этом случае более жгучие и сиюминутные.

После 24 февраля многие СРЛ были парализованы, не могли работать в начале войны, это я могу твердо сказать – я провела опрос среди коллег из 12 стран. Меня лично от работы „спасло“ то, что я во все свободное время от университетской работы была на вокзалах добровольцем-переводчиком и писала дневник об этом.

² *War in Ukraine: a turning point for the relationship between Central Europe and Russia? CENTRAL Network conferency, Vienna. 2 June 2022.*

<https://www.central-network.eu/news-events/panel-discussion/> (16.12.2022)

The Future of Europe. Interview with Zsuzsa Hetényi. Universität Wien, Central Network project. <https://www.central-network.eu/news-events/interviews/interview-zsuzsa-hetenyi/> (16.12.2022).

Опыт этого опроса показывает, что в Венгрии значительно меньше коллег видят смысл в профессиональном бойкоте, чем в Европе, тем более в Америке. Бойкот, как они считают, мало кому будет мешать продолжать войну, я слышала заявление, что „Путин его не почувствует“, поэтому всем кажется, что проще продолжать работу так, как прежде, не говоря уж об обязательном обогащении показателей карьеры. Я тоже считаю, что культура и наука – это мосты.

Нельзя забывать, что большинство наших давнишних русских коллег (повсюду, но особенно в Украине и в России) страдают от военной ситуации еще острее, чем мы, и в нас к ним глубокое сочувствие. Я даже написала статью под названием *Нельзя отказать в солидарности антивоенной русской интеллигенции*. Правда, были уже неожиданные сюрпризы, среди российских коллег оказались и сторонники войны, даже доносчики, но не так легко узнать позиции всех коллег. И нельзя же всем эмигрировать, и не все считают возможным стать героем сопротивления. Это верно, но бойкот нужен.

По моим соображениям, бойкот нужен, во-первых, для выражения морального протеста, для отстаивания этических позиций. Во-вторых, нужен для того, чтобы в научной жизни ничего не продолжалось так, как прежде, чтобы заметными стали признаки перемены. В-третьих нужно, чтобы не повышать научные показатели России на международном „рынке“ и в научном конкурсе, надо ограничить Россию в международном научном сотрудничестве, закрыть грантовые фонды и исключить русские институты из научных обществ. Естественно, что если сузить доступ к финансированию науки, если разрушать международные научные коллективы, от этого пострадают и нерусские. Нужно отметить, что довоенная путинская Россия при всём приближении к диктатуре, щедро относилась к любой отрасли науки, в том числе к гуманитарным наукам, что далеко не характерно, например, для Венгрии. Но и этот факт появляется совсем в другом свете в дни войны – именно наука, а не литература видится сегодня как версия *soft power*³.

Несомненно, если ограничить научный импакт (коэффициент цитируемости) России, параллельно то же самое произойдет и с на-

³ Возьмем пример: Русским Фондом Фундаментальных Исследований были объявлены гранты сотрудничества ученых двух стран, в котором оплачивалась только русская сторона, их поездки в Венгрию, где я как организатор конференций в течение трех лет работала бесплатно. Сегодня мне кажется это симптомом научной эксплуатации, чтобы не сказать покрепче.

ми, западными странами и авторами. Нужно отметить, что для России всегда была характерна научная замкнутость, то есть „самоцитирование“ русских русскими – ссылок на западные, американские и на источники ученых других стран в публикациях русских филологов всегда было мало. Не знаю, в какой мере это составляет проблему для европейских СРЛ, но венгерский ученый должен жить тройной жизнью: писать по-венгерски для венгров, по-английски для научных показателей, и по-русски для того, чтобы его работы были известны носителям языка его тем. При этом, как мы знаем, публикация той же статьи на разных языках считается не только нежелательным и недостойным, но и исключается в требованиях серьезных научных журналов. Цитаты российские практически невозможно собрать из бесконечного числа маленьких изданий, в то же время мало из русских журналов входит в международный рэнкинг. К тому же, когда Россия почувствовала влияния научного бойкота, сама вышла из глобальной системы наукометрии.

Значит, мой личный вариант бойкота⁴ выглядит следующим образом: я не публикую свои тексты в России, хотя те, которые были сданы до войны, я не отзывала. Весной я участвовала на двух, ранее запланированных конференциях по зуму, сообщая на моих слайдах, что я – против войны, и что культура – мост для возрождения другой, новой России. Пожалуй, на этом мои конференции кончились. Выходит, что венгерский ученый СРЛ как таковой превратится в мистификацию, он не нужен дома, он остановлен в России, и мало кому интересен на Западе, который уже затоплен беженцами из Украины, да и из России. Им нужно создать академические посты, дать возможности работы и публикации. Пожалуй, все это поставит конец моей научной академической карьере.

РМ: В контексте всего сказанного Вами, можем ли мы сегодня как-то делить русских коллег на тех, кто против войны и тех, кто за вторже-

⁴ Хотелось бы отметить ещё личный фон моего бойкота, к которому я была подготовлена: мой покойный муж, Шимон Маркиш (1931 - 2003) эмигрировал из Советского Союза легально по браку с иностранкой в 1970 году, а потом нелегально дальше на Запад, кроме единственного визита в Москву с целью похоронить бабушку, никогда больше не возвращался туда. Хотя имел немало друзей и хороших знакомых, которые всегда приглашали, особенно после падения советского режима, до своей смерти в 2003 году не согласился даже на короткий визит. Опыт ссылки и убийства его отца Сталиным навеки лишили его доверия к стране. А я оставалась солидарна с ним. За 20 лет со времени его смерти я посетила Россию всего четыре раза.

ние в Украину? Тем более, что не все, кто против войны, могут уехать из России, да и судьба беженца или эмигранта – это сегодня одна неизвестность во всех смыслах: от дантовского „горького хлеба чужбины“ до безработицы, политических напряжений и кризисов с эмигрантами на Западе.

ЖХ: Есть такой взгляд, что „честная“ наука должна заниматься впредь именно русскими эмигрантами. Но это касается авторов прошлого только, или новых эмигрантов тоже, неясно. Одно точно: все не могут уехать.

Для меня большую задачу представляет собой переоценка многих авторов с точки зрения их концепции о России, и я пропустила всех своих авторов, которых когда-нибудь изучала, через своего рода экзамен – всех. Объекты моих исследований до сих пор оказались выше всякого сомнения от обвинений в колониальных или имперских идеях, ибо большинство их были жертвами таковых. Даже меня поразило, что почти все они родились на территории Украины или в разных республиках вне России, и потом немало из них стали эмигрантами.

Но мне приходилось вести курс литературы Серебряного века осенью 2022 года, и пришлось увидеть под новым ракурсом концепцию Востока и Запада таких авторов как А. Блок или М. Волошин, обдумать понятие греха и преступления в мистическом прочтении символистов и философов начала XX века, и всё это принесло глубокое разочарование и переоценку. В то же время я (раньше не исследующая литературу XIX века) написала статью, анализ отрывка текста из *Войны и мира*, где мне удалось рассмотреть проявление насилия в текстах Льва Толстого свежими глазами, с точки зрения изображения войны. И мне удалось показать глубочайшую амбивалентность автора по отношению к насилию, но никакое присутствие имперского взгляда я не ощущала, хотя именно в этом его упрекают. Вообще литературу обвинять в том, что является *soft power*, нелепость, её только могут использовать для пропаганды. Именно в этом я вижу ответственность филолога, что он может научными анализами ограничить эти возможности и предотвратить ложную интерпретацию.

Я принципиально не согласна со стремлением *Cancel culture*, но я считаю, что разрушение памятников, переименование улиц и изменение школьной программы в Украине – вполне понятная реакция, и это надо терпеть и выждать его время. Ведь русские не просто

убивают, как на войнах, а жесточайше и подло истребляют мирных людей и лишают их инфраструктуры. И, кстати, разворовывают музеи, уносят с собой культурную память страны. Я, живущая далеко от военных действий и территорий, тоже чувствую ярость от этого. Может быть, роль представителей третьих стран и наций именно в том, чтобы перенести ценности культуры в более мирные времена, которые должны всё же наступить, как история показала неоднократно. Увы, в эти дни мы убеждаемся и в иной неизбежности повторений – история показала тоже неоднократно обратное: что зверь и безумие вечно жив в человеке.

Жизнь моя как СРЛ сильно изменилась и в том, что я больше пишу публицистику, чтобы осветить культурологические истоки и аспекты этой войны. Я организую круглые столы и участвую в таковых, по-прежнему помогаю беженцам, хотя все меньше, и даю немало интервью. Только список этих работ и выступлений, которые в научных показателях кстати не считаются, как меня предупредили в университете, за эти 9 месяцев войны занимает пять страниц.

РМ: Нужна ли Венгрии в наше время славистика, ведь слависты сейчас начали общаться по-английски?

ЖХ: Я не знаю, как на это смотреть с чисто венгерской точки зрения. Изучать русскую литературу без знания языка можно только на школьном уровне. Язык – не только носитель культуры, но и объект изучения в таком качестве. Из венгерских СРЛ, из старшего и среднего поколения только считанные единицы владеют английским языком на нужном уровне. Это будет задачей следующего поколения, которое свободно владеет английским. Они считают английский средством обмена результатами исследования, и по праву: с одной стороны, это сделает результаты доступными для специалистов, занимающихся другими славянскими языками, а с другой стороны, это даст прямой доступ к работе СРЛ таким людям, которые занимаются более широкими литературными исследованиями или теорией, или просто интересуются конкретным автором/произведением. Например, на одной конференции для юных славистов в Австрии в 2022 году рабочими языками являлись английский и немецкий, и там были люди из очень разных областей. Выступать на венгерском языке на венгерских конференциях по славянской тематике и на международном уровне на английском – один и тот же „рабочий язык“.

В то же время я помню конференцию о берлинской русско-еврейской культуре эмиграции в Берлине, где официальным языком конференции являлся английский. Лишь один из участников выступал на русском, замечательный петербургский профессор. В тот момент, когда он начал доклад, все высоко почитаемые американские специалисты из престижных университетов без исключения хватились за наушники, за переводом. И мне это казалось не только смешным, но и неграмотностью коллег.

Я веду „ателье“ (кружок) художественного перевода, русская часть которого деградирует каждый год, уровень знания русского языка и культуры падает. Да и нечем их поощрять, работы у них не будет, я сама как переводчик слышу от издательств, что сейчас не время издавать русскую литературу. Это конечно раньше или позже изменится, тем не менее нынешний контекст и рынок именно так выглядят. И вообще нужно поставить вопрос себе: честно ли поощрять молодых студентов, чтобы они посвятили жизнь изучению русской культуры? Столько еще на свете менее конфликтных занятий и областей...

Английский язык будет употребляться шире как раз в наши дни между славистами и СРЛ ещё по причине корректности, чтобы не обращаться к украинским и русским коллегам на языке агрессора. Я была свидетелем такого решения на зум семинаре, организованного в одном из университетов Прибалтики, и, признаться, жалела о таком решении, ведь мысли оставались неясно выраженными. Когда всем это стало ясно, украинский участник первый перешел на русский язык. Предположим, что мы специалисты испанской литературы, тогда мы говорили бы на общем испанском. В принципе язык общения – целевой язык нашей работы. Казалось бы, язык как язык, ни в чем не виноват, а всё же это не так просто. Немало свидетельств слышно от переводчиков, что сейчас стало им тошно от русского языка.

Известный филолог-классик Гасан Гусейнов (ныне в эмиграции) сделал лингвистическое наблюдение, что антивоенно настроенные русские интеллигенты начали ломать русский язык, нарочно употреблять ошибочные формы (например, вместо класть – ложить, вместо езжай – ехай). Раньше это мог быть шуточный жаргон, а сегодня – протест. В этом явлении ясно видно, что путинский режим и его война разрушает не только Украину, подрывает не только мировую экономику, но разрушает свою страну, русскую культуру и научную жизнь.

РМ: Да, с русистикой ситуация складывается не оптимистически. Я много думаю об этом, поскольку сам занимаюсь между другими литературами также и русской. Мне кажется, что российские коллеги ещё не до конца понимают, как война изменила отношение к русскому языку и литературе в Европе и сколько потеряет от этого даже та часть русской культуры, которая этически не замешана в войну во всех смыслах. Во многом это напоминает отношение к немецкому языку после 1945 года, с той лишь разницей, что немцы поколениями калялись. Хотя американизация и переход на английский язык в научном общении получились неизбежными. Сегодняшняя ситуация усугубляется еще и общим кризисом гуманитарных наук, и кризисом славистики в Европе. Я также думаю, что при всей симпатии к украинскому языку и культуре, сегодняшнее поколение славистов вряд ли способно перестроиться и отказаться от русского языка как одного из ведущих среди славистов. Да и часть украинской классики XIX века написана на русском языке (в том числе и тексты Тараса Шевченко, не говоря о других авторах, таких важных, например, для исторического самосознания украинцев, как Михайло Старицкий или Пантелеймон Кулиш). Если бы такого масштаба война России с Украиной была в первой половине XX века, то очевидно, что у украинского языка был бы шанс на то, что его примут в Европе как язык важного государства и будут изучать наряду с польским или чешским. Но сейчас в Европе из-за американизации поменялось отношение ко всем славянским языкам, общение проходит даже между славянами на английском, а война России против Украины только усугубила и радикализовала процесс.

Я хотел бы перейти теперь к другой теме, связанной с кризисом теории литературы как отдельного научного дискурса XX века. Как реагирует венгерское литературоведение на разные прогнозы о смерти теории литературы?

ЖХ: Мой личный ответ покажется пародийным, но отчасти это правда: литературоведение как раз выживает на том, что обсуждает, умирает ли оно. Если более подробно, то литературоведение начало умирать, когда потеряло контуры и смешалась с культурологией и семиотикой, а потом, что стало вообще пагубным, ушло от филологии в сторону психологии и, наконец, начало страдать под бременем безграничной философования.

Одно точно: славистика и изучение русской литературы не скоро придет в себя после войны. Что происходит в венгерском литературоведении, плохо видно славистам, ибо наблюдается немалая изоляция между научными областями в гуманитарии Венгрии. Это отражается и в структуре Венгерской Академии Наук – среди академиков еще никогда не было и нет и в настоящем времени ни одного члена СРЛ.

Я следую путям филологии в широком смысле, на этом пути язык и форма текста являются исходными, и все главные и придаточные отрасли науки („дисциплины“) используются как вторичные опорные концепции для когерентной интерпретации. На мой взгляд и для меня это то, что представляет собой интерес. Я написала в 2020 году о методике анализа прозы целую книгу.

Но, обдумывая этот вопрос, я посоветовалась с коллегой среднего поколения, специалистом по венгерской литературе и литературной теории. Мы остановились на том, что среди венгерских литературоведов можно выделить четыре основные группы. Первая группа либо не заметила прогнозов о смерти науки о литературе, либо им все равно. Вторая и довольно многочисленная группа ссылается на институциональные/социальные рамки, на то, что литературоведение потеряло свой престиж, находится в самом низу иерархии наук, его эффективность трудно измерить и так далее, и оно испытывает трудности в обосновании своей социальной полезности и своих исследований, достойных поддержки. Самым сильным ответом на эту проблематику в настоящее время является поворот к дигитальным/цифровым гуманитарным наукам, цифровой филологии и исследованиям, основанным на этих методологиях: цифровые издания текстов, большие корпусные исследования, стилометрия и тому подобные явления. Такие ответы лучше всего работают в качестве легитимации науки и, возможно, пользуются в наше время наибольшей внешней поддержкой. Существует еще (группа 3) поворот к культурологическим исследованиям, но он амбивалентен. Отчасти этот поворот виноват в смерти литературоведения (оно потеряло свой собственный предмет и методы, часто позволяя использовать старомодные методологии под ярлыком „культурных“). Все эти решения, наконец, заставляют некоторых из нас (это может быть группа 4) придерживаться принципа языковой основы литературы, настаивать и находить новые рамки для подхода к литературе как к „языковому искусству“.

Что касается русского литературоведения, то со времен Юрия Лотмана оно следует пункту 3, хотя ему ближе было бы 4-е, лингвистическое направление, идущее по стопам формалистов и постструктуралистов. Однако, нельзя забывать и о том, что в России при этом прочно держится описательный „традиционализм“, не имеющий особенностей или методов, и ограниченный на пересказе содержания, морализации об отношениях между персонажами интенциях автора и деталях его биографии.

РМ: Вы один из самых известных исследователей творчества Владимира Набокова – писателя неоднозначного во всех отношениях, в том числе и неоднозначного в своих оценках русской классики. Как Вы думаете, нужно ли сейчас, во время этой войны, читать Владимира Набокова? Какой его текст самый актуальный? – *Приглашение на казнь?*

ЖХ: Кого угодно и всех всегда надо читать. Есть книга еще важнее для наших дней в творчестве Владимира Набокова, чем *Приглашение на казнь*, и это – *Bend Sinister* (в неавторском переводе -- *Под знаком незаконнорождённых*). В этом романе показан террор, детальное и систематическое истребление невинных интеллигентов академической жизни чудовищными вычурными средствами и жуткой психологической жестокостью. Высмеянный в детстве пацан, вырастая, превращается в страшного и в то же время гротескно смехотворного диктатора – чем не наши новые диктаторы? Главного героя хотят сломать тем, что ему показывают пытку его сына на экране, и мальчик умирает на его глазах. Чем не Буча? И нет спасения в рамках сюжета романа, только вне романа, концовка горькая (а в художественном смысле уникальна).

Мне до боли актуальным кажется также и *Отчаяние*, которое (с очень явной ссылкой на Достоевского) освещает синдром искажения, тот процесс, когда Великая Теория-Идея, овладевающая личностью, использована для оправдания преступления, убийства.

РМ: Как выглядит Владимир Набоков в контексте „специальной военной интерпретации“, в контексте которой сейчас прочитывается вся русская классика?

ЖХ: Я думаю, что о военной интерпретации говорить как-то неточно. В 2015 году у меня вышла монография о Набокове на 928 страниц,

первая книга, в которой можно прочитать анализ всех его романов и его автобиографии в изложении одного автора под единым взглядом. И я могла бы приписать к каждой главе абзацы об этом вопросе, под измененным войной углом зрения.

Эмиграция, в которой Набоков провел всю свою взрослую жизнь, стала практикой сотен тысяч беженцев и новых эмигрантов в наши дни. Русский Берлин? Он снова существует. Бег из Крыма и миф Крыма – тоже примыкающая тема. Его спорадические на первый взгляд прикосновения к теме фашизма (и близость этого фашизма к советскому социализму в сталинской версии) не оставляют сомнения о его ненависти к новым империям. Однако, я не уверена, видел ли он в таких же критических нотах, как хотя бы его отец, царскую Россию, описанную как потерянный рай детства. Он действительно мало обращал сознательного внимания на социальные или политические процессы царского режима, но прекрасно описал его структуру косвенно, например, через портреты домашних учителей (в том числе одного украинца-фокусника), или прислуги в их доме. На Историю он имел свои иронические и глубоко персональные взгляды, он думал и брал выше, писал не о правилах, а об исключениях – и в природе, и в жизни людей. Меня как раз начала занимать эта тема, как он смотрел на империи – ведь он всегда жил в империях, за исключением Швейцарии. Самое интересное, что первый доклад на эту тему я прочла в 2018 году на конференции, а в сборнике конференции статья не была напечатана. Кажется, участники конференции (кстати, в большинстве представители бывших империй), не поняли, в чем же состоит мой вопрос.

Зоркость Набокова проявлялась в том, что в Америке, во время второй мировой войны он высказывался против Советского Союза, и его сторонились из-за этой „несвоевременной“ критики тогдашнего союзника США. Пожалуй, это было бы неплохо вспомнить сегодня, когда победу над фашисткой Германией путинская идеология присваивает только своей стране, забывая о спасательной роли западного фронта, и строит на этом снова те же сталинские старые мифы.

Для Набокова украинский народ существовал, в отличие от небольшого числа даже более поздних русских писателей (например, Солженицына), но он не идеализировал украинцев, что прослеживается в его монографии о Гоголе. Намекая на него, но не называя имени Гоголя, он пишет в *Даре*: „а вместе с тем, на прогулках в Швейцарии

так писавший колотил перебежавших по тропе ящериц, – „чертовскую нечисть“, – с брезгливостью хохла и злостью изувера“. Называние хохлом Гоголя в данный момент может создать неприятное впечатление политической некорректности, но *нельзя применять сегодняшнее наше знание к явлениям и текстам прошлого*. Здесь скорее мы имеем дело с переигрыванием, ссылкой на имя писателя, которое не названо. Тоже не стоит придавать особое значение и тому, что для вкуса Набокова как раз украинские рассказы Гоголя казались самыми неудачными (на этом он специально остановился и в интервью для Paris Review). Но не будем же мы хвалить его за то, что, с другой стороны, он ненавидел Достоевского, якобы виновника русского идейного вырождения мысли о грехе в глазах современных украинских писателей.

Военной же темы у Набокова нет. Набоков изображает и насилие фашизма косвенно: в грязном следе сапог в подъезде (*Камера обскура*), на фотографиях и в безумии мальчика (*Знаки и символы*), и в убитой любви Миры чудака-эмигранта, профессора Пнина. И даже в том не стоит его упрекнуть, что он обошел или отодвинул в свое бессознательное память об убитом в концентрационном лагере брате Сергее. Это лишь факт, который помогает нам его понять без идеализации и „идолозации“.

Исследователь должен стоять всегда выше своего объекта изучения. Мне глубоко чуждо стремление к умилению и обожанию писателя, которое в набоковедении не редкость. Нельзя следовать воле писателя, который был не прочь создавать особый имидж о себе. Меня интересуют тексты, и то, что в них отражено фактически, словесно. Строить идолы из фигур знаменитостей – первый опасный шаг к культуре, а открывать дорогу к культуре личности нельзя ни в чем.